

ЗАГАДКА ВОСЬМИ КОЛОНЫ

Белый лебедь, прекрасный в скорби своей, застыл на могиле Собинова. Птица будто жилая, но никогда не взлетит она. Окаменела, она белее самого снега.

— Эко ведь, будто только прилегла... Что значит реставраторы... — Человек долго еще дивился вдруг похорошевшему лебедю, которого не раз видел он, да не таким.

Белый уральский мрамор весь светился, и, казалось, жило каждое перышко — протяни только руку, выдернешь из крыла лобос.

Лебедя принесли на могилу великого певца в середине октября сорок первого, когда столица была на осадном положении. И один из самых лиричных памятников на земле, подумать только, Москва ставила в самые тяжкие для себя дни.

Вера Игнатьевна Мухина, автор памятника, была тогда в Москве и все беспокоилась, как бы бомба не угодила в мастерскую, что находилась на окраине города, в районе Сокола, и не повредила бы хрупкие мраморные крылья.

— Осколки бомб оставили все-таки на памятнике несколько осадки, — говорит Светлана Леонидовна Собинова, дочь певца. — Обожженная металлом русская песня о лебедь, выбитая из камня. Да и потемнел мрамор за тридцать с лишним лет. Вы видели, как изменился он под руками реставратора.

Пыль въелась — не брал ни один раствор, рекомендованный для таких случаев. Как ни бился мраморщик-реставратор Ю. Г. Полюшкин, а дело не шло. Надо было придумать какой-то новый состав. И он его нашел, и только им убрал всю черноту. А потом вычистил каждое перышко и будто жизнь вдохнул в лебедя.

— Мы работали месяц, — говорит Юрий Георгиевич, — был у меня еще напарник. Труд реставратора всегда кропотлив, добросовестен, а тут мы как-то особенно старались — ведь памятник-то чей — Мухиной и кому — Собинову.

Мы встретились с Полюшкиным в реставрируемом ныне «доме Бахрушина» на Новокузнецкой улице. Вообще-то он больше лепщик-модельщик, чем мраморщик, мастерству этому учился у такого ювелира своего дела, как Василий Николаевич Лукьянов, память рук которого хранят стены гостиницы «Москва». А Полюшкин украшал четыре первые станции Ленинградского метро.

Разыскивая мастера, вос-

становившего «собиновского лебедя», я познакомился с архитектором-смотрителем Большого театра Алевтиной Ивановной Кузнецовой. И открылось вдруг многое такое, о чем мало кто знает. Много рассказала она о своем «подопечном». Например, о том, что на реставрацию зала в 1958 году ушел килограмм сусального золота, и что одну лишь кисть, красующуюся на центральной ложе, старый подмосковный мастер делал целый месяц, и о том, как боились, чтобы система кондиционирования воздуха не повредила неповторимой акустике, и что разрушенный взрывом фашистской бомбы чугунный торшер у входа восстанавливал известный мастер-лепщик В. В. Лукьянов, и что большие реставрационные работы были проведены в грозном сорок втором году...

Благодаря труду реставраторов Большой театр будет всегда создавать у нас праздничное настроение.

— К сожалению, — говорит Алевтина Ивановна, — пока мы не все можем восстановить. Дряхлеют «вышитые стены» Бетховенского зала, а заново их воссоздать никто не в силах. Даже в мастерских научно-реставрационного комбината, хотя это и единственное в стране место, где делают многие ткани по старинным образцам. Или вот восемь колонн Большого... В Москве не найти таких великанов. Но беда с ними — сыреют да и только. Платут и в мороз, и в зной. Все время на них темнеет пятна. А откуда вода — никто не дознается. Нет ее под ними даже на восьмиметровой глубине — прямо-таки загадка, как она приходит в камень.

Вода приносит с собой всевозможные соли, разъедающие даже крепкий мячковский известняк, тот самый, из которого строили «белокаменную» с времен Ивана Калиты. Карьер — рядом, километрах в двадцати от столицы, на берегу Москвы-реки. Гнали камень баржами. Удобно и дешево. Нынче же архитекторы, чтобы обновить старые московские постройки, вынуждены вести известняк из-под Севастополя. А он совсем не тот, не в пример подмосковному, на который реставраторам наложен запрет.

Сейчас мячковский известняк потребовался для колонн Большого, завтра он будет нужен реставраторам Московского Кремля, так не пора ли передать карьер хранителям красоты веков, тем, кто бережет и восстанавливает неповторимые архитектурные памятники — достояние народа?

ВСТРЕЧИ С ПРЕКРАСНЫМ

Пока же колонны Большого театра защищены особым кремниевым составом. А попытку разгадать тайну восьми колонов теперь предпримут специалисты Мосгоргеотреста.

Не дают эти колонны покоя и Николаю Прокофьевичу Зноркину, руководителю химико-физической лаборатории Всесоюзного производственного научно-реставрационного комбината. Старый инженер, он многие годы боролся с разрушением морских гидротехнических сооружений, а потом вот полюбил реставрационное дело. И тридцать лет служит ему. Тут тоже ведь — вода и камень. Только последнее все загадок много, веками копились.

— Вот, Дмитровский собор во Владимире, — говорит Зноркин, — куда как высоко стоит, а воду камень все равно сосет. И соли его так разъели в иных местах, что ланцет легко входит в стену. В Индии соли просто водой размылают, а у нас климат не тот. Придумали вот отваренной бумагой их отсасывать. Барисные компрессы тоже делаем.

Если уж реставраторы проверяют какой-нибудь кирпичик, то раз пятьдесят заморозят и разморозят его, чтобы убедиться, насколько прочен он. В химико-физической лаборатории стоит «камера погоды», где испытывают на стойкость краски. Разные мудреные приборы помогают теперь реставраторам отыскивать изъяны в древних сооружениях. И все-таки техника маловата. А нужна специальная, которую мог бы разработать, например, один из отделов научно-исследовательского института реставрации, если бы таковой создать взамен многочисленных и маломощных реставрационных организаций, которых лишь в Москве несколько.

Реставрационное дело — тонкое. Зондируют здание, как живой организм, — не дай бог повредить что-то. И вместе с тем дело это «тягучее», терпения требует. Иногда двадцать слов краски святя приходится, чтобы обнаружить кусочек какой-либо безвестной фрески.

Работа реставратора похожа на врачебную — старые сооружения всегда бываю «больны», и надо оставить правильный диагноз.

Работа реставратора похожа и на следовательскую — бы-

вает, здание в течение веков передельвалось до десятка, а то и больше раз, вой, как Настоятельские палаты в Новооспасском монастыре, и постройку-ка найди где что.

— Настоятельские палаты представляют особый интерес, — говорит главный архитектор научно-реставрационного комбината Л. А. Давид. — Церквей-то того периода мало дошло до нас, а тут — градская постройка семнадцатого века, да еще каменная.

Двенадцать раз передельвались Настоятельские палаты. И эту дощину «строительных слов» архитектор-реставратор В. П. Меркелова отыскала не в летописях, а под кирпичом и штукатуркой. Впервые в Москве обнаружены ступенчатые наличники над окнами. Выжу тонкую роспись на потолке. Всего один-два фрагмента, запыленные под многочисленными слоями краски. Но по ним восстановят весь рисунок.

В Новооспасском монастыре обосновались Всесоюзные реставрационные мастерские. Те, о которых говорил архитектор-смотритель Большого театра. Интересно побывать там, где на ручных станках делают по старинным образцам необыкновенные ткани — жаккардовые. На ткацких своеобразным методом вышивают тончайшие узоры, сказочных птиц, созданные некогда воображением крепостного мастера хрупкие цветы... Шло тогда заказы музею Архангельского, Пушкина, Петропавловского...

В старинной светелке сидели над узорами три подружки — С. Х. Пунга, А. А. Фейгина и В. Т. Рыбенская. Когда-то еще девочками пришли они на выучку к павлопосадским мастерам, которых пригласили в Москву. Мастерам тем было лет по семьдесят, а дело они знали куда как хорошо, оно перешло к ним от дедов и прадедов, и трое учениц впитывали в себя все премудрости древнего творчества. Потом мастерскую на Крутицком подворье закрыли. Древний промысел угасал. И если бы не три подружки... Но больше всех сил возрождению тонкого дела отдала Амалия Абрамовна Фейгина. Мы идем с ней по миниатюрному ткацкому комбинату. Здесь уже есть свои мастера — Галина Ивановна Грачева, Олимпиада Дмитриевна Пыркова.

— Станки разыскивали и собирали сами, — говорит Фейгина, — работать на них нелегко, но жаккардовые ткани на автоматах, к сожалению, не

сделашь. Тонкая это штука. Иной раз на метр сложной по узору ткани уходит десять дней. Да и красители тут особые.

— Чтобы получить светостойкий и долговечный материал, — говорит инженер-химик Л. И. Ословская, — мы применяем природные красители — кору крушины и дуба, ольховые шишки, зверобой, ромашку...

Я видел, как в светелке, где сидят три подружки-художницы, рождался первый гобелен. Они делают его сами. Пройдет несколько месяцев, прежде чем оденут в него первое кресло из построенного в Латвии Варфоломеем Растрелли Рундальского дворца.

...Рядом с ткацким цехом пахнет свежей сосновой стружкой. Делают резные врата для Михаилоархангельской надвратной башни с часовой. Поедет эта красавица, современная на древней вятской земле топорами мастерами семнадцатого века, в Париж на выставку русской деревянной пластики.

Куда бы ни заглянул здесь, всюду сталкиваешься с чудом. Пололотки рассказали о своем учителе — Борисе Васильевиче Васильеве. Недавно проводили на пенсию, пошел ему девятый десяток. Вот уж чародей!

Когда перед нами распахиваются золоченые двери театра или музея, мы обычно не замечаем их нового сверканья и не задумываемся над тем, сколько труда стоило реставратору донести до нас красоту бесценного старинного узора. Вот одна из таких дверей. Тринадцать слоев особого мела с особым клеем. Каждый слой сушился. Разглядели все вкосо, прошлиш шкуркой. Еще восемь слоев из смеси хорошей глины с воском, китовым жиром и жевой охры, замешанных на яичных белках. Потом мастер берется за суконку, наносит сусальное золото и полирует его агатом.

В городке удивительных мастеров делают керосиновые лампы и старинные ковши для Шушенского мемориала, двадцать тысяч цинковых «чешуек» для крыши здания французского посольства в Москве и прапор для Тульской Кремля, резные доски для украшения МХАТ и хрустальную люстру для Московского университета на Моховой.

— И еще многое-многое другое, — сказал старший производитель работ В. Н. Карякин.

В. ЧЕРТКОВ.

г. Москва.

И П. А. Б. Д. А.
г. Москва
1 Ф 18 1973